

КИРОВСКАЯ ОПЕРА РЕАБИЛИТИРУЕТ В АМЕРИКЕ РОССИЙСКОЕ МУЗЫКАЛЬНОЕ ИСКУССТВО

Известия - 1992 - Апрель - С 8

Александр ШАЛЬНЕВ, «Известия»

«Наша сверхзадача! — переспросил меня Валерий Гергиев, главный дирижер санкт-петербургского Кировского оперного театра. — Она очень проста — попытаться реабилитировать в Америке российское оперное искусство».

В том, что реабилитация нужна, сомнений нет: очень неровные прошлогодние гастролы в Нью-Йорке Большого театра; крайне неудачные выступления в нынешнем году санкт-петербургского Малого театра, который многие местные критики обвиняли в «провинциализме», — все это не могло не заставить американских знатоков и ценителей оперы, а в особенности импресарио, задуматься о том, не было ли гипертрофированным то впечатление, что было создано когда-то о советском оперном искусстве.

Сомнения четко и быстро были выражены наиболее понятным языком — денежным: предварительная продажа билетов на спектакли Кировской оперы в нью-йоркской «Метрополитен-опера» была чрезвычайно вялой.

Но первый же спектакль, показанный Кировским, — «Огненный ангел» Прокофьева — ввернул музыкальный мир Америки, профессиональный и любительский, в состояние, очень напоминавшее о теперь уже давних временах триумфальных гастролей прежнего Большого. Как сказали мне в корпорации «Сартра», которая является одним из спонсоров гастролей петербуржцев (первых, кстати говоря, гастролей в Северной Америке), после «Ангела» у касс стали собираться толпы.

Второй и третий спектакли — «Пиковая дама» и «Борис Годунов» — подтвердили то, что стало ясно после спектакля первого: Кировская опера — это необычайное явление, которое блестяще сочетает традиции российского оперного искусства с тем, что «Нью-Йорк таймс» назвала «современным международным стилем».

Но главное, как мне кажется, — не в умилении американцев тем, что есть в России театр, который легко выходит за рамки традиционности и берется за «международность», прекрасно с ней справляясь, а в том, что критика единодушна в другом: в признании очень вы-

сокого качества исполнения. И это относится и к самому Гергиеву, и к солистам, среди которых выделяют — вещь редкая! — практически всех: и Марию Гулегину, специально приглашенную на эти гастролы; и Галину Горчакову, называемую рецензентом «Уолл-стрит джурнала» «откровением»; и Елизавету Григорьеву, которому критика легко простила несколько легких срывов, дабы подчеркнуть весьма благоприятное впечатление в целом; и Ольгу Бородину, блистательно спевшую Марину Мнишек в «Годунове», и... повторю: практически всех солистов подряд.

Как отметила «Нью-Йорк таймс», спектакли Кировской оперы делаются «на самом высоком международном уровне нынешнего времени». Признаться, давно не приходилось читать что-либо подобное о тех коллективах, которые в наше свободно-рыночное время во множестве устремляются за рубеж, в первую очередь в Америку, полагаясь, видимо, на авторитет. И — мифы об авторитете, рождавшиеся нашим искусством в прошлом, а теперь в основном ниспровергаемые.

Насколько я понял, Кировская опера отличается от абсолютного большинства наших коллективов еще и тем, что и с финансовой «аранжировкой» своих зарубежных поездок она вышла на приемлемый уровень и в отношении солистов, и в отношении рядовых исполнителей, на уровень, который не заставляет их вынуждаться из гастролов. Часть средств — примерно 10—15 процентов из тех, что театр зарабатывает на гастролях, будет, как сказал мне главный дирижер, оложена — на текущие нужды, связанные в первую очередь с финансированием новых постановок. «На те субсидии, — сказал Гергиев, — которые дает нам государство, не проживешь».

Кировский ищет выходы и, видимо, находит.

НЬЮ-ЙОРК.